

ДИСКУРСОЛОГІЯ: СЕМАНТИКА І ПРАГМАТИКА

УДК 371.334(076)(100)

МЕНА КОММУНИКАТИВНЫХ РОЛЕЙ КАК КОНСТИТУТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ ДИСКУРСА

Н.К. Кравченко, докт. филол. наук (Киев)

Статья посвящена исследованию мены коммуникативных ролей как базисной категории дискурса и коммуникации. Мена ролей изучается в двух основных аспектах: как проект и продукт локальных интеракций, обусловленный инфраструктурой речевых обменов. Выявляются механизмы дискурсивной реализации мены ролей, а также когнитивная природа этого феномена.

Ключевые слова: дискурс, локальная интеракция, мена коммуникативных ролей, речевой обмен.

Кравченко Н.К. Мена комунікативних ролей як конститутивна категорія дискурсу. Статтю присвячено дослідженню міни комунікативних ролей як базисної категорії дискурсу і комунікації. Мена ролей вивчається в двох аспектах: як проект і продукт локальних інтеракцій, обумовлений інфраструктурою мовленнєвих обмінів. Виявляються механізми дискурсивної реалізації міни ролей, а також когнітивна природа цього феномену.

Ключові слова: дискурс, локальна інтеракція, міна комунікативних ролей, мовленнєвий обмін.

Kravchenko N. K. Turn-taking as constitutive category of discourse. The article deals with the investigation of Turn-taking as the basic category of discourse and communication. Turn-taking is studied both as the project and the product of local interactions due to exchanges infrastructure. The mechanisms of Turn-taking discursive realisation is revealed as well as the Cognitive nature of this phenomenon.

Key words: discourse, exchanges, local interaction, turn-taking.

Теория коммуникативных ролей является новым и перспективным направлением современной дискурсологии, что обусловлено значением феномена роли в процессах текстообразования и дискурсивной интеракции, структурно-содержательной упорядоченности диалогической и монологической речи.

В современной лингвистике исследование коммуникативных ролей фокусируется преимущественно на когнитивном и интеракционном составляющих этого феномена: в ракурсе корреляции ролевого поведения с языковым и коммуникативным сознанием интерактантов [2–7; 11–13; 17] или в аспекте воздействия выбора ролей на инфраструктуру локальных интеракций (конверсаци-

онный анализ, “анализ членства категоризации” Г. Сакса, этнометодология [15; 16; 18–21]).

В то же время лишь отдельные работы [1; 8–10; 14] в отечественном и российском языкознании посвящены актуальной и малоизученной проблематике мены коммуникативных ролей (далее по тексту – МКР) как категориальной характеристики дискурса и базисной категории коммуникации.

В связи с этим, актуальность статьи определяется значением затронутой в ней проблематики для задач современной дискурсологии и дискурс-анализа, связанных с определением параметров, составляющих и категорий дискурса, одной из которых является МКР.

Цель статьи – выявить категориальную специфику мены коммуникативных ролей как конститутивной категории дискурса. Задачами исследования служит определение особенностей и механизмов дискурсивной реализации МКР, выявление лингвокогнитивной природы этого феномена.

Объект статьи – мена коммуникативных ролей в современном монологическом и диалогическом дискурсе.

Предмет статьи – категориальная специфика мены коммуникативных ролей и дискурсивные механизмы ее реализации.

Новизна статьи – в обосновании конститутивной функции МКР в дискурсе как проявления: а) “механизма членства категоризации”, позволяющего пояснить лингвокогнитивную природу ожиданий интерактантами определенных сценариев ролевого поведения и их реакции на неконвенциональные варианты оперативных ролей собеседника; б) конверсационно-аналитического принципа упорядоченности естественной речи в ракурсе реализации категории релевантности, предполагающей координацию деятельности говорящих в различных контекстах.

Мена коммуникативных ролей – одна из базисных коммуникативных категорий, обобщающая координацию речевых действий коммуникантов по согласованию сценариев ролевого поведения и конструированию “общего” значения в интеракции.

Категориальная специфика МКР выявляется в конститутивной, формально-структурной и содержательной функции этого дискурсивного механизма как основы упорядоченности и развития разговорного дискурса. Согласно конверсационному анализу [15; 16; 19–21] и “механизму членства категоризации” Г. Сакса [18], ориентированность участников на использование коммуникативных ролей обуславливает их речевые ходы и прогнозирует направление и формально-содержательные характеристики разговора в целом. Совместное конструирование дискурса интерактантами основано на МКР и упрощенно может быть представлено следующим образом: роль (ее идентификация участниками / самоидентификация) – речевой ход

в поддержку роли – речевой ход в противодействие роли – изменившаяся роль – новый речевой ход – и т.д. Предложение собственного ролевого сценария и ожидание от собеседника ответных ролевых действий (парных, встречных ролей) основано на способах категоризации говорящими себя и других. Мы считаем, что теоретическим обоснованием дискурсивного потенциала МКР служит концепция Г. Сакса “анализ членства категоризации” (*membership categorization analysis*), хотя сам исследователь никогда не рассматривал предложенный им инструмент конверсационного анализа в дискурсивном аспекте. Теория была разработана с целью обоснования этнометодологического принципа строгой упорядоченности естественной речи, однако позволяет, на наш взгляд, выявить лингвокогнитивную природу ожиданий интерактантами определенных сценариев ролевого поведения – особенно принимая во внимание, что МКР является основой упорядоченности диалогического дискурса.

“Механизм членства категоризации” (*membership categorization device*) включает два компонента: совокупность категорий (*collection of categories*) и правила применения (*rules of application*). Каждая категория предполагает определенный набор категориально связанных действий (*category bound activities*) и характеристик – естественных предикатов (*natural predicates*). Например, существуют конвенциональные ожидания относительно нормального поведения участника дискурса в коммуникативной роли “должник” (речевые ходы “просьбы”, “обоснования”, “оправдания” и другие действия “подотчетного” характера). В то же время отсутствие таких “категориально связанных действий” будет маркированным в интеракции, нуждаясь в дополнительном объяснении, – например, если заемщик начнет выполнять коммуникативный сценарий, ожидаемый от роли “кредитора” или “спонсора”.

Нормативность речи как основной постулат конверсационного анализа предопределяет, что ролевые субъекты являются представителями категорий, “подходящих” для осуществления определен-

ной пары действий (предсказуемые наборы коммуникативных ролей): “обвинитель – жертва”, “обвинитель – обвиняемый”, “обвинитель – виновный”, “ребенок – взрослый”, “начальник – подчиненный”. Правило упорядоченности парных ролевых действий в виде проигрывания “встречных” ролей служит проявлением упорядоченности “естественной” диалогической речи и, шире, принципа релевантности, предполагающим определенную координацию деятельности говорящих.

Конститутивная функция МКР выявляется как в диалогической, так и в монологической речи, отличаясь различными механизмами реализации. В монологе – это мена категориальных ролей (ролевых инвариантов) или их расщепление на оперативные позиции на основе общности концептуальных характеристик инварианта и вариантов роли. В диалогической речи упорядочивающая функция МКР реализуется посредством: а) набора встречных ролей с общими ролевыми ожиданиями коммуникантов относительно сценариев коммуникативного поведения; б) прогнозирования речевых ходов интерактантов как результата предложения, приписывания, подтверждения, игнорирования, опровержения, демонстрации роли, что определяет направление интеракции, выбор основных и дополнительных тем разговора.

Рассмотрим специфику МКР как механизма обеспечения содержательной и формально-структурной связности монологического и диалогического текстов. Так, в монологах психологического романа Сола Беллоу “Герцог” ролевой инвариант главного персонажа “профессор-интеллектуал” определяется уровнем его образования (интеллектуал), родом деятельности (профессор, философ) и социопсихологическим типом (“интуитивно-логического иррационального интраверта”). В то же время одним из оперативных вариантов категориальной роли “профессор-интеллектуал” является роль “ребенок”. Гомогенность оперативного варианта и ролевого инварианта обеспечивается общностью пропозиций концептуального плана этих ролей: “беспомощность”, “доверчивость”, “наивность”, “отсутствие практицизма”, “неспособность при-

нять решение” [6, с. 23–30]. МКР в виде реализации категориальной роли “профессор-интеллектуал” в оперативном ролевом варианте “ребенок” становится механизмом актуализации смысла, обосновывающего психологическую драму главного героя романа. Таким образом, “неконвенциональный” сценарий ролевого поведения персонажа задает развитие дискурса в направлении раскрытия общности концептуальных характеристик проигрываемой им категориальной роли и ее оперативного варианта.

В диалогической речи мена ролей имеет иное обоснование и служит средством “по-ходовой” упорядоченности парных ролевых позиций и связанных с ними речевых действий собеседников.

Так, если в речевой ситуации “консультация” один из интерактантов, выступающий в институционально обусловленной роли “профессора”, вдруг начинает проигрывать “не статусную” субординационную роль “ребенка” с использованием жанров жалобы или квеситивов-просьб, иницирующих от собеседника речевое действие “помощи в виде совета” и т.д., такое ролевое поведение, “ненормативное” с точки зрения “механизма членства категоризации”, нуждается в объяснении. Наиболее вероятным обоснованием неконвенционального оперативного варианта будет “невыполнение” интерактантом “профессора” встречной институциональной роли в паре “профессор – студент” и предложение вместо нее “бытовой” роли “советчика”, “сочувствующего” (оперативных вариантов ролевого инварианта “взрослый”). Выбор доминантной роли (например, в силу межличностного доминирования интерактанта в психоэмоциональном, референтном или др. отношении) определяет навязывание собеседнику “парной” субординационной роли. Далее диалог будет развиваться либо в направлении сопротивления этой роли, либо согласия с ней, определяя выбор направления разговора, основных и дополнительных тем, порядка построения и развития секвенций, содержательную и формальную организацию коммуникативных ходов интерактантов.

Таким образом, мена коммуникативных ролей – одна из конститутивных категорий дискурса, механизмом реализации которой является функционирование встречных ролей с общими ролевыми ожиданиями коммуникантов относительно сценариев коммуникативного поведения, что воздействует на формально-содержательные характеристики диалогов; расщепление ролевых инвариантов на оперативные варианты на основе общности концептуальных характеристик инварианта и вариантов роли; прогнозирование речевых ходов интерактантов как результата предложения, приписывания, подтверждения, игнорирования, опровержения, демонстрации роли, что определяет направление интеракции, выбор основных и дополнительных тем разговора.

Перспективой дальнейшего исследования служит, на наш взгляд, изучение коммуникативных ролей и их мены в ракурсе реализации категории интертекстуальности и интерсемиотичности дискурса – в аспекте взаимосвязи МКР с культурными макросценариями ролевого поведения, а также совместимости в диалоге ролей участников, ассоциированных с различными интерпретативными репертуарами (макросюжетными линиями).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристов С.А. Прагмалингвистическое моделирование мены коммуникативных ролей : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 “Терия языка” / С.А. Аристов. – Тверь, 2001. – 212 с.
2. Бакумова Е.В. Ролевая структура политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 “Терия языка” / Е.В. Бакумова. – Волгоград, 2002. – 200 с.
3. Бондаренко Я.О. Дискурсе акцентуированих мовних особистостей: комунікативно-когнітивний аспект (на матеріалі персонажного мовлення в сучасній американській художній прозі) : дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / Я.О. Бондаренко. – К., 2002. – 248 с.
4. Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы [пер. с англ.] / Э. Берн. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 480 с.
5. Карасик В.И. Язык социального статуса: Социолінгвістический аспект. Прагмалингвістический аспект. Лінгвістический аспект / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2002. – 333 с.
6. Коротка С.Г. Лінгвокомунікативний аналіз оперативної ролі “дитина” в романі Сола Беллоу “Герзог” / С.Г. Коротка // Вісник Луган. нац. ун-ту імені Тараса Шевченка. – 2011. – №16 (227). – Ч. 2. – С. 23–30.
7. Кравченко Н.К. Межсубъектная природа интеракции или интерактивная природа субъекта? (субъекты versus интеракция или интеракция versus субъекты?) / Н.К. Кравченко // Вісник Луган. нац. ун-ту імені Тараса Шевченка. – 2010. – № 18 (205). – С. 36–41.
8. Кравченко Н.К. Інтегративна методика аналізу комунікативних ролей у розмовному дискурсі / Н.К. Кравченко, С.Г. Коротка // *Studia linguistic* : зб. наук. пр. – К. : Київ. національний ун-т імені Тараса Шевченка, 2011. – Вип. 5. – Ч. 2. – С. 343–349.
9. Кравченко Н.К. Практическая дискурсология: школы, методы, методики современного дискурсе-анализа : практ. пособие. / Н.К. Кравченко. – Луцьк : Волиньполіграф, 2012. – 251 с.
10. Лавриненко И.Н. Мена коммуникативных ролей как операциональная метадискурсивная категория / И.Н. Лавриненко // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – 2012. – № 1023. – С. 47–51.
11. Ляпон М.В. Языковая личность: поиск доминанты / М.В. Ляпон // *Язык – система. Язык – текст. Язык – способность*. – М. : Ин-т рус. яз. РАН, 1995. – С. 260–276.
12. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О.О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2006. – 716 с.
13. Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: Психологические и социолінгвістические аспекты / К.Ф. Седов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – 180 с.
14. Шевченко И.С. Метадискурсивные категории диалогического дискурса / И.С. Шевченко // *Функциональная лингвистика : сб. науч. работ Крым. республ. ин-т последиплом. пед. образования ; науч. ред. А.Н. Рудяков*. – № 2. – Т. 2. – Симферополь, 2011. – С. 292–294.
15. Goodwin Ch. Action and embodiment within situated human interaction / Ch. Goodwin // *Journal of Pragmatics*. – Elsevier, 2000. – № 2. – P. 1489–1522.
16. Heritage J. Conversational analysis and institutional talk / J. Heritage // *Qualitative Research : Theory, Method and Practice*. / D. Silverman. – London : Sage, 1998. – P. 161–182.
17. Klapp O.E. Symbolic Leaders. Public Dramas and Public Men / O. Klapp. – Chicago : Aldine, 1964. – 272 p.
18. Sacks H. Lectures on Conversation / H. Sacks, G. Jefferson, E.A. Schegloff. – Oxford : Wiley-Blackwell, 1992. – Vol.1, 2. – 1520 p.
19. Schegloff E.A. Issues of Relevance for Discourse Analysis : Contingency in Action, Interaction and Co-Participant Context / E.A. Schegloff, E.H. Hovy, D. Scott (eds.) // *Computational and*

Conversational Discourse : Burning Issues – An Interdisciplinary Account. – Heidelberg : Springer Verlag, 1996. – P. 3–38. 20. Schegloff E.A. Overlapping Talk and the Organization of Turn-Taking for Conversation / E. A. Schegloff. // Language in Society. – 2000. – № 291. – P. 63. 21. Wetherell M. Positioning and interpretative repertoires: Conversation analysis and post-

structuralism in dialogue / M. Wetherell // Discourse and Society. – 1998. – Vol. 9. – P. 387–412.

ИСТОЧНИКИ

ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРІАЛА

22. Bellow Saul. Herzog / Saul Bellow. – New York : Fowcett Crest Book, 1970. – 416 p.